

НИКОЛАЙ КОЛЯДА

МОЦАРТ И САЛЬЕРИ

Пьеса в одном действии из цикла «Кренделя».

г. Екатеринбург
2002 год

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

ПЕРВЫЙ

ВТОРОЙ

Двухкомнатная квартира на последнем, пятом этаже дома. Лето.

Начало лета, июнь, середина дня. Двухкомнатная квартира. Стенка с хрустальными вазами, диван, два кресла, советский полированный журнальный столик, балкон, шторы беленькие. На стене портрет какого-то человека с чёрной лентой в углу. В дальнюю комнату дверь

закрыта. На кухне шкафчики, стол, газовая плита. Ничего особого. Всё банально и типично, как-то совсем по-советски.

В квартиру входят двое.

ВТОРОЙ. Знаете, я думаю, что трагичность каждого человека в том, что он знает о существовании Бога. Да, да. От того наша жизнь так трагична ... Даже атеист знает – Он есть везде, но Его нельзя увидеть. Да. Хотя у меня постоянное чувство: Бог меня охраняет ... И не знаю - за что.

ПЕРВЫЙ. Да, да. *(Осматривается)*. Сейчас какая-то новая мода. Слово-паразит новое какое-то, все начинают говорить что-то со слова «Знаете». Чего «знаете» – не понимаю. Главное, что никакой информации не сообщают, а всё время говорят все «знаете», «знаете», «знаете», «знаете», «знаете» ... Чего «знаете»?

ВТОРОЙ. Что?

ПЕРВЫЙ. Это у меня в голове от жары?

ВТОРОЙ. А-а, жужжит? Нет, это – осы. Сделали гнездо под крышей, на балконе. Нашли место, тоже. Жужжат целыми днями. Когда дождь – замолкают. Я сначала тоже думал, что с ума схожу. Их море в городе стало.

ПЕРВЫЙ. Осы?

ВТОРОЙ. Осы. Когда сильно надоедают, я беру бутылку с водой, ну, брызгалку такую, иду и брызгаю на них. И они молчат какое-то время. В квартиру не летят, не кусают – пусть.

ПЕРВЫЙ. Осы. У них брюхи жёлтые. *(Пауза)*.

ВТОРОЙ. Знаете, у меня такой бардак, жена в отъезде, простите ... *(Ходит по комнате, быстро расталкивает валяющиеся вещи.)* Сын совершенно не следит за собой, отбивается от рук, мальчишка, шестнадцать лет, знаете, переходный возраст, я поздно родил, не умею справиться ... Дело в том ... Да вы садитесь, я сейчас, кофе, я быстро ... Так вот, трагичность человека ...

ПЕРВЫЙ. Говорите какие-нибудь простые вещи, а то я пугаюсь. В чём?

ВТОРОЙ. Что?

ПЕРВЫЙ. Так в чём дело?

ВТОРОЙ. Кофе? Чай?

ПЕРВЫЙ *(идёт по комнате, улыбается, руки в карманы штанов засунул)*. Замечательно, восхитительно, шедеврально, потрясно, изумительно, исключительно, поразительно, необычайно, ошеломляюще, потрясающе, суперно, суперно, суперно ...

ВТОРОЙ. Что?

МОЛЧАНИЕ.

ПЕРВЫЙ *(улыбается, вертит головой)*. Мне кажется, я тут был? Мы не были знакомы раньше?

ВТОРОЙ. Да вроде бы, я не помню. Ну, конечно, да. Не мог же я просто так позвонить незнакомому человеку и позвать его в гости домой. Знаете, профессия кинорежиссёра, всегда много контактов, людей. Так, всё-таки, кофе или чай?

ПЕРВЫЙ. Вы опять говорите: «Знаете». Чего «знаете»? Я знаю всё. Да, да, я тут был.

ВТОРОЙ. У меня в фильмах много снималось людей. Знаменитые актёры. Очень много. И тут сидели все эти знаменитости, знаете, после съёмки, отдыхали у меня ...

ПЕРВЫЙ. Да, да, знаю. Провинциальная киностудия. Кто видел эти фильмы? Никто. А для московских «чесал» – великих звёзд – насрать где было сниматься, лишь бы срубить. Звёзды давно погасли, но для толпы они продолжают светить. Так?

ВТОРОЙ. Ну, знаете, что-то они сделали, эти фильмы, это была некая руда, перегной, на котором кто-то вырос ...

ПЕРВЫЙ. Перегной? Навоз, то есть? Кто вырос на нём?

ВТОРОЙ. Ну, кто-нибудь, кого я не знаю даже. Нам не дано предугадать, как наше слово отзовется и нам сочувствие даётся, как нам даётся благодать.

МОЛЧАНИЕ.

ПЕРВЫЙ. Чего?

ВТОРОЙ. Знаете, у меня аллергия на цветы на какие-то или на пыльцу, не знаю. Просто сморкаюсь, и чихаю, и кашляю целыми днями. Эти две недели, пока буйное цветение в городе - разбит, ненавижу это время. К вечеру получше, а днём - труба. Я закрою окно? Итак, чай? Да?

ПЕРВЫЙ. Они жужжат и жужжат – можно рёхнуться. У вас квартира похожа на какую-то декорацию.

ВТОРОЙ *(смеётся)*. Да, да, из какого-то фильма про западную жизнь ...

ПЕРВЫЙ. Ага, про бедноту и переселенцев. Точно. Похоже. Только босота может жить в таком. Нет, нет, действительно, что-то из декорации тут присутствует, нет? Что-то приворачивали на киностудии и домой притаскивали, так?

ВТОРОЙ. Знаете, нет. *(Смеётся, трёт руки.)* Может быть, похоже на декорацию. Всё такое, как у всех. Советское. Полированное. Странно, что я, казалось бы, человек искусства, а имею такую квартиру безликую ... Это - жена. Она - врач и ей надо, как у всех. Итак, всё-таки, кофе?

ПЕРВЫЙ *(смотрит на портрет)*. Я мог знать этого человека? *(Задевает ногой батарею бутылок, стоящую у дивана, они падают, грохочут.)* О, виноват! Как много, тополиным пухом облеплены ... *(Берёт одну бутылку в руки, смотрит на свет, смеётся.)* Это пиво с надписью «Made in USA» делают в соседних гаражах ... *(Хохочет)*.

ВТОРОЙ. Ничего, ничего, не обращайте внимания ... Это всё сын. Вернее, его друзья, день рождения. Нет, это у меня был день рождения. Сдать бутылки ...

ПЕРВЫЙ. Да, да, надо сдать бутылки. Надо провести операцию “Хрусталь” - так это называется. Как вытащить из бутылки пробку веревочкой, знаете, да? Конечно. О, это целое искусство было, чтобы вытащить пробку веревочкой из бутылки, и бутылку сдать, и получить свои двенадцать копеек. Помните?

ВТОРОЙ. Я-то помню. Но сейчас эту тару не принимают. *(Смеётся.)* А откуда вы это помните? У нас сколько разница в годах? Чай или кофе?

ПЕРВЫЙ. А подъезды никогда не мыли? Мы с женой - мыли. Совсем недавно ещё. Зимой надо мыть горячей водой, и протирать насухо – мука! Иначе сразу весь подъезд превращается в ледяной каток. *(Смеётся.)*

ВТОРОЙ. Знаете ...

ПЕРВЫЙ. Да заткнись ты со своим «знаете»! Знаю!

МОЛЧАНИЕ.

(Сел на диван, болтает ногой). У вас день рождения зимой, я знаю. Ведь зимой, да? Я не буду ни кофию, ни чаю.

ВТОРОЙ. Да? А я думал ... Ведь у нас разговор, нужно как-то, а то всухую ...

ПЕРВЫЙ. Ничего не нужно как-то. Сядьте. Зимой?

ВТОРОЙ. Зимой. Да, зимой. Вы знаете это? Вы наводили справки.

ПЕРВЫЙ. Очень надо. *(Указывает на портрет).* Я мог знать того человека?

ВТОРОЙ *(смотрит на Первого, потом в пол.)* Нет. Он был известный кинорежиссёр, пожилой человек. Скорее учитель. Мой учитель, да, мой и многих моих друзей ...

ПЕРВЫЙ. Вы так скорбно говорите, словно он был старец, развращавший юношей. Так?

ВТОРОЙ. Нет, нет. Он был очень талантливый человек. Он почти ничего не снял, его затирали, даже в те времена, теперь бы он совсем не выжил ... Он так и не снял своей главной картины, хотя шёл, стремился к ней всю жизнь, но месяц назад ... Но его философия, его образ мыслей, жизни – знаете, это было всегда так честно, просто, искренне.

ПЕРВЫЙ. Ага. То есть, он пил с вами и говорил про высокое. *(Передразнивает).* «Знаете, знаете». Вот пристало. А вы слушали, открыв рот. Пустомеля. Так?

ВТОРОЙ. Нет. И все-таки - чай или кофе?

ПЕРВЫЙ. Именно так. Сотрясение воздуха. Болтовство. Болтология. Шаманство. Говорильня. Вот было и есть главное. Да мне всё равно. Надо побрызгать этих ос, надоели. Где у вас этот пульвелизатор?

ВТОРОЙ. Пуль-ве-ри-за-тор надо говорить.

ПЕРВЫЙ. Да-а? *(Смеётся).* Итак, декорация. Мне очень нравится эта квартира. Декорация эта. Я ведь тут был! Я помню! И вы помните это, что ж вы скрываете?

Ходит по квартире.

Однажды зимой тут разыгрывается следующая история. У хозяина квартиры день рождения. Десять лет назад. Или больше? Больше. Пятнадцать лет назад. Или, скорее, двадцать. Те же стены, те же хрустальные вазы, правда, нет тополиного пуха. Та же компания - богема, гений на гении. Пьянка. Кто-то притащил мальчишку, он пишет, мальчишка пишет какие-то странные повести, романы, пьесы, сценарии. Написал очень много. Мальчишка уже пьян, он вообще чуть ли не алкоголиком стал, как начал общаться с богемой театральной, киношной. Ему все кричали - гений, гений. То есть, ещё один гений среди удобрений. И вот знаменательный день, он приглашен в дом к “Солнцу”, к светилу, к великому кинорежиссёру. Мальчишка пьян в жопуа, тащит с собой кучу бумаг, своих писулук. В квартире много народу, шум, гам, крик, все пьют, все общаются, мальчишка среди них. Он пришёл босиком. У него нет носков, он страшно беден, он приехал из своего Задрипанска в большой город, снимает квартиру, живёт впроголодь, он пропился в доску, он не может найти работу, он гений, он думает так, ему так сказали. Хозяин квартиры строго указывает мальчишке на то, что он босиком и требует, чтобы мальчишка убрался вон - он пьян, от него плохо пахнет, и к тому же он собрался читать вслух какое-то своё произведение, чтобы на нём

сосредоточилось внимание, а не на хозяине. У мальчишки вырвали рукопись, кинули куда-то в угол, закрыли мальчишку на кухне, потому что он рвался набить морду «Солнцу», хозяину квартиры. Он испортил скандалом праздник. Он кричал хозяину: «Ты провинциальное говно и бездарь!» Он не знал ещё тогда, что говно не обязательно должно быть провинциальным. Мальчишка разбил дверное стекло на кухне, посуду, устроил скандал, кричит, плачет и в конце концов его выталкивают на мороз. И он босиком идёт домой по ночному городу. Обмораживает себе ноги. Ну, Мересьева из него не вышло, но болел, валялся долго. Прошло потом. В угаре пьяном чего не сделаешь-то. И как-то так, знаете, странно этот вечер, знаете, его очень, очень сильно отрезвил, знаете. А? *(Смеётся.)*

МОЛЧАНИЕ.

ВТОРОЙ. Он был не такой уж и мальчишка. Он был взрослый парень.

ПЕРВЫЙ. Взрослый несчастный мальчишка.

ВТОРОЙ. Я думал, что ты не вспомнишь.

ПЕРВЫЙ. Итак, начали на «ты».

ВТОРОЙ. Виноват.

ПЕРВЫЙ. Интересно. Значит, ты теперь не «Солнце», а медный таз, так, что ли? Всё так же пытаешься снимать кинофильмы? Ау, какое тысячелетие на дворе? Не пора ли завязать, ведь уже всё ясно, нет?

ВТОРОЙ. Ничего не ясно.

ПЕРВЫЙ. Что это мне так волнительно сегодня? А-а, свидание с молодостью. С пьяной богемой. Я вырезал тот кусок из жизни, забыл, но вот вдруг так ясно, ясно начинаю вспоминать ... Ай, что так волнительно! Будто что-то поблизости такое важное, серьезное, приятное и я это сейчас ухвачу ...

ВТОРОЙ. Рукопись.

ПЕРВЫЙ. Чего?

ВТОРОЙ. Твоя рукопись. Она у меня тут. В шкафу лежит. Я её сохранил. Ты кинул её тогда под ноги всем. Я сохранил. На всякий случай. Рядом с ней ты и заволновался.

ПЕРВЫЙ *(хохочет, молчит, сел, болтает ногой, рассматривает носок ботинка.)* Неужели ты думаешь, что я настолько сентиментален? Хочешь сказать, от рукописи идут токи. Да? О, эти токи, волны. Был у меня один работник, невседома, он мне гнал Голландию, что его токи одолевают. Ставил вокруг кровати железные листы, листом накрывался и спал. Чтоб злые духи его не трогали по ночам. Я его выгнал быстро, как только узнал про железные листы, потому как ни в какие токи я не верю, я материалист. Никаких токов, ничего сверхъестественного нету, и удачи нету, и везения нету - ложь. Есть только ум, башка, руки, здоровье и главное - деньги, деньги, деньги и они делают всё-всё-всё. Уверяю тебя. Знаешь, сколько их через мои руки прошло? Да, и денег, и людей. Кто только не ломался. Даже скучно вспоминать. Ну так что? Сниму-ка я, всё-таки, носки. Буду как в тот раз. Хорош байду разводить. Наговорил я тебе тут сорок бочек арестантов. А всё путём, дядя. Нормальный ход поршня.

Пауза. Первый снял носки. Кинул их в угол, смеётся.

Итак, ты вызвал меня на кухню, достал вот с этого самого дивана - ай, он был новенький тогда, у тебя водились деньжата, а теперь кошка его ободрала, клопы заселились в него, фу, декорация! - вызвал меня и сказал, что в приличные дома так не

ходят. Тогда тут был приличный советский дом. От того, что была стенка, от того, что в стенке стоял хрусталь - какая пошлятина, он и снова стоит, продолжает стоять, твой хрусталь.

МОЛЧАНИЕ.

Итак, ты сказал, чтобы я убирался. Что я свинья и что ты сожалеешь, что позвал меня в гости. Я не ушел и был скандал. О, «Солнце»! Как ты гневалося!

ВТОРОЙ. Не помню. Разве было такое?

ПЕРВЫЙ. И вот прошло энное количество лет. И ты позвонил мне, нюнил, канючил, уговаривал, чтобы я Христа ради выпил с тобой чашечку кофе и чтобы ты, стало быть, выпросил бы у меня денег на своё кино очередное ... Подозреваю, что ты за этим меня вызвал, нет? Ты сказал: «У меня не телефонный разговор, знаете». Ну? *(Смеётся)*. Жизнь – гениальный режиссёр. Я таких режиссёров не видел.

ВТОРОЙ. Я сделаю кофе.

ПЕРВЫЙ. Я хочу на кухню.

ВТОРОЙ. Я сделаю кофе сам, сидите.

ПЕРВЫЙ. Говори мне «ты», как тогда. Я хочу на кухню.

ВТОРОЙ. Мне кажется ...

ПЕРВЫЙ. Креститься надо, если кажется.

ВТОРОЙ. ... мне кажется, ты решил отомстить за то, что тогда было? Нет? *(Улыбается.)* Ну, прости, пожалуйста, я виноват, мне стыдно, но, по-моему, всё было совсем иначе. Та история, в смысле ... Было не так. Ты разбил тут стекло, кровь везде хлестала по стенкам, женщины кричали, ты дрался, ударил кому-то в глаз ...

ПЕРВЫЙ. Тебе.

ВТОРОЙ. Может быть, и мне, не помню. Я ведь не ответил тебе, нет? Я вообще очень толерантен, терпим к людям, терплю их слабости. Мне кажется ...

ПЕРВЫЙ. Я сказал: креститься надо, если кажется ...

ВТОРОЙ. ... мне кажется, что я не мог тебя тогда обидеть, а просто приструнил пьяного. Ты что-то преувеличиваешь.

ПЕРВЫЙ. Я не преувеличиваю, мне не приснилось, я помню прекрасно тот вечер. Я не собираюсь мстить. Зачем? Глупо. Просто хочу понять, почему ты сейчас так ко мне ласков, зазвал в квартиру, а раньше не здоровался на улице, ну, тогда, после случившегося и еще несколько лет, пока я не разбогател ...

ВТОРОЙ. Сам и ответил. Потому и не здоровался, потому что ты был небогат, а теперь разбогател. Ну и что? Нормальный процесс. Ты стал уважаемым человеком, все тебя зауважали и я тебя зауважал тоже.

ПЕРВЫЙ. Итак, тот вечер, зима, я без носков, пропито всё, и меня выгоняют из дома «Солнца». Я устраиваю скандал от обиды, ненависти к вам, жирным, богатым, диктующим всем и вся. Это было так недавно и сейчас вы – никто. Скажи, а зачем ты всем рассказываешь, что мы с тобой друзья, что часто пил со мной раньше, что можешь позвонить мне в любой момент, рассказываешь эту историю, как выгнал меня отсюда, и хихикаешь, рассказывая это? Мне же доложили, мне льстят, я богат, все хотят угодить хоть чем-то. Зачем? С Пушкиным на дружеской ноге - поэтому?

ВТОРОЙ. Я никому никогда не рассказывал о той истории. Да и забыл её, честно говоря.

ПЕРВЫЙ. Не ври. Рассказывал. Не забыл. Мне доложили. И не раз.

ВТОРОЙ. Я сделаю кофе.

МОЛЧАНИЕ.

Почему ты так смотришь?

ПЕРВЫЙ. Неужели я так сильно изменился, что со мной надо на «вы».

ВТОРОЙ. Мы говорим на «ты».

ПЕРВЫЙ. Ты старше меня на десять-пятнадцать лет, а ощущение, что у нас разница в возрасте лет пятьдесят. Ты совсем старый пень стал, дружище.

ВТОРОЙ. Надо выпить. Все нервны. Ты нервен.

ПЕРВЫЙ. Я не пью пятнадцать лет. Спасибо тебе и этой квартирке.

ВТОРОЙ. Ерунда. Чуть-чуть можно. Кончай, чего ты обижаешься? Из-за чего? От того, что я сказал - не приходи без носков? Ну, может, и сказал. Правда, я в упор не помню. Ну, наверное, сказал. Конечно, сказал. Что теперь - сердиться?

ПЕРВЫЙ. Нет. Ты правильно сказал - мстить. Сердиться я не буду. Чего сердиться-то, на кого? На тебя? Ты нуль без палочки. Но прижать тебя еще ниже будет приятно. Отомстить. Очень приятно мстить, ты знаешь, очень.

Пошел к двери, закрыл её на ключ, ключ положил в карман.

Обожаю двери, которые изнутри закрываются. Их можно закрыть ключом и открыть замок можно тоже только ключом. Это прекрасное место действия. Единство места, времени и действия. Классицизм, да? Сейчас мы с тобой разыграем пьеску. Знаешь, как будет называться? «Моцарт и Сальери».

ВТОРОЙ. И кто Моцарт? Уж не ты ли?

ПЕРВЫЙ. Ты угадал. Итак, ключ можно выкинуть в окошко, и потом сидеть, сидеть, разбираться, выяснять отношения, убивать друг друга, выворачивать душу наизнанку, самую чёрную пречёрную черноту показывать зрителям ...

ВТОРОЙ. Нету тут никаких зрителей ...

ПЕРВЫЙ. ... и ждать, когда, скажем, жена придёт с работы, откроет дверь снаружи ключом и найдёт, предположим, два трупа тепленьких - задохнулись от газа, зарезали друг друга, повесился один, а потом и другой рядом выпил яду, или оба в ванной вскрыли себе вены! И вот жена фантазируй, что хочешь про то, что тут произошло и только маленькая строчка в криминальной хронике: найдены два трупа, обстоятельства выясняются ... И никогда не выяснит их ни милиция, ни жена, ни зрители ...

ВТОРОЙ. Жена уехала. Она не придёт. Не выдумывай.

ПЕРВЫЙ. А кто же придёт? Кто-то должен в этой пьесе придти.

ВТОРОЙ. А что ты так нервничаешь, Моцарт, я не понимаю?

ПЕРВЫЙ. Кто придёт, Сальери, говори? Придумай. Твой сюжетный ход – разрешаю, твой бездарный ход, который я талантливо разовью, ведь я же Моцарт! *(Ходит босиком по квартире. Второй сидит на диване, опустив голову.)*

ВТОРОЙ. Знаешь, Сальери был не хуже Моцарта. Он был хорошим композитором. Это выяснилось недавно.

ПЕРВЫЙ. Кто придёт, говори?

ВТОРОЙ. Ну, хорошо. Сын придёт.

ПЕРВЫЙ. Ага, хорошо, сын. Роль для молодого героя. Сын, конечно же, негодяй. Потому что от осины не родятся апельсины. Нет, не рождает свинья бобра.

ВТОРОЙ. У меня очень хороший сын.

ПЕРВЫЙ. Да ладно врать-то. Я ведь знаю – наркоман много лет. Папа алкаш. Сын наркоман. Мама тайная проститутка. Уверен на сто! Итак! Вот какое замечательное развитие твоего долбанного идиотского сюжетного хода! Итак, приходит наркоман. У него есть ключи?

ВТОРОЙ. Он не наркоман. У него есть ключи.

ПЕРВЫЙ. Хорошо. Приходит домой молодой негодяй, приводит с собой молодую негодяйку - роль для молодой артистки-проститутки, живущей с главным режиссёром - маленькая роль, нет в нашей пьесе для девиц лёгкого поведения больших ролей! - о, как сильно сказал! Итак, приходит он и видит ... О, что он видит, юный Гамлет наш, он видит папу своего и его друга. Да, друга! Правильно, в пьесах и сценариях нужна обязательно любовь. Без любви ничего не движется. Придумаем её. Ведь в жизни-то её нету, надо придумать на сцене. Итак, великая любовь. О, как хорошо! У папы есть друг! Друг с большой буквы. Сын узнает папину тайну. Как это всё обостряет! Вдруг выясняется, что папа, ах-а, папа наш оказался шалунишка, жил в тайне с ...

ВТОРОЙ. Бред. У папы нет тайн от сына.

ПЕРВЫЙ. Не скажи, нет, не скажи. А мы вот возьмём, и сделаем, чтоб была тайна. Главное в пьесе - загадка и тайна, так ведь? Так. Начнём, да?

Берет в руки вазу с полки, поднимает высоко в руках, бьет её что есть силы об пол, вдребезги.

ВТОРОЙ. Ты сдвинулся?

ПЕРВЫЙ. Она мне ещё в тот раз не понравилась. Она была пухлая, гадкая, мерзкая, как вся эта компания, что здесь тогда собралась - такая же пухлая, гадкая, мерзкая. Помнишь эту компанию? Пошлая, пакостная, мещанская ваза. Что, жалко?

ВТОРОЙ. Нет, что ты. Не жалко. Правильно. У тебя денег много, заплатишь в конце пьесы, так? В конце ты должен эффектно раскрыть кошелек и кинуть поверху разбитого и загаженного - пачку денег. Так? Чтоб уж унизить как следует. А хозяин квартиры будет ползать на коленях и собирать деньги. Так?

ПЕРВЫЙ. Нет, денег я тебе не дам. Они мне слишком тяжело достаются, чтобы их тебе ещё отдавать. Нет, вот что теперь: ты должен попросить у меня ключ.

ВТОРОЙ. Ничего я не должен. Пошёл отсюда к чёрту, дурак.

ПЕРВЫЙ (*орёт*). Проси ключ!!!!

МОЛЧАНИЕ.

ВТОРОЙ. Зачем? Откроешь сам, когда надо будет.

ПЕРВЫЙ. Зачем ты меня позвал?

ВТОРОЙ. В гости. Просто так. В гости.

ПЕРВЫЙ. Тогда, много лет назад, ты меня выгнал. Зачем сегодня позвал?

ВТОРОЙ. Опять за рыбу деньги. Ну, выгнал. Ну и что, что? Успокойся, сядь. Только не порежись, надо обуться, не надо босиком, и правда будет кровь ...

ПЕРВЫЙ. Будет кровь. Попозже. Но сначала выкину ключ.

Выкинул ключ в окно.

ВТОРОЙ. Ну и глупо. Зачем ты его выкинул? Что за театр, ей-Богу?

ПЕРВЫЙ. Молчать!!!! Молчать!!!

МОЛЧАНИЕ.

ВТОРОЙ. Я молчу. Сядь. Тебе надо выпить чего-нибудь успокоительного. Я схожу на кухню, в холодильнике валерьянка ...

ПЕРВЫЙ. Ты не пойдёшь, сядь.

ВТОРОЙ. Мне надо водки выпить стакан, успокоиться, а то вся эта история ...

ПЕРВЫЙ. Ладно, иди. Русская пьеса без бутылки и алкаша, балалайки и лаптей, самовара и деревянных ложек быть не может. Давай. Иди, бери, пей. Пей, сказал.

Второй пошёл на кухню, пришёл назад, сел, наливает в стакан водку, пьёт.

Хорошо. Пей хорошенько. Итак - деньги?

ВТОРОЙ. Я передумал. Не надо мне твоих денег. Найду. Выкручусь.

ПЕРВЫЙ. Не найдёшь. Я знаю. Я - последняя возможность. Мои агенты доложили. У меня много в активе тех, кто на меня работает. О, месть! Именно тебе я хочу отомстить, понимаешь? Никого не запомнил из того пьяного детства моего, но вот то, что ты, ты, ты, мерзавец, негодяй, подлюга, мерзапакостина, ты выгнал меня босиком на мороз, в надежде, что я сяду у твоего порога и буду ныть, хныкать, просить прощения, выгнал – это не забуду никогда!!! Только тебе отомстить хочу, только тебе, Сальери!

ВТОРОЙ. Я не Сальери и ты не Моцарт, спокуха.

ПЕРВЫЙ. Я Моцарт, потому что у меня деньги. Хорошо сказал! Афоризм прямо. О, как долго я ждал звонка, чтоб ты позвонил мне, чтоб я тебе дал денег. Потому что, если я не дам тебе денег, ты пойдёшь работать грузчиком в мебельный магазин.

ВТОРОЙ. Хватит. Отстань. У меня голова болит.

ПЕРВЫЙ. Это от тополиного пуха, дядя. Аллергия. Это не я, а тополя. Ля-ля, тополя. А ещё осы жужжат. Собаки! Итак, итак, продолжаем пьесу, продолжаем наш спектакль. Так что дальше? Сначала предысторию. Так. Поставим у левой кулисы человека, чтобы он рассказал нам предысторию. Исходное событие. То, что произошло до открытия занавеса. Нет, «безысходное событие» назовём его, так красивше. Пусть расскажет всем историю. Твою, конечно же, Сальери, а не мою. Впрочем, а почему ты Сальери? Хорошо, если тебе так нравится - ты будешь Моцарт, а я Сальери. О, я люблю все тёмное, отрицательное, ладно, я – буду гад, а ты стой в красивой позе. Итак!

ВТОРОЙ. Отстань от меня. Слышишь, говорю - заткнись!

ПЕРВЫЙ. Не грубить, ещё рано. Ты будешь грубить позже, когда я тебе набью морду и это будет пиком, кульминацией нашей пьесы. Давай сделаем её в одном акте, чтоб быстрее, а то, боюсь не досмотрят до конца ...

ВТОРОЙ. Ты пьяный. Точно, пьян.

ПЕРВЫЙ. Пьян - ты. Ты пьяницей стал. Итак, у левой кулисы человек в чёрном, он сообщает: наш гений среди удобрений в течение всех тех лет пил и пил, он пил всё больше и больше. Пил на кухне, он так любил кухню, тараканы шевелятся, за окном рассвет, о, так романтично, вокруг него сидят пять-шесть молодых идиотов, ученики, сидят, разинув рот, и он им что-то про свою гениальность рассказывает и про то, что он сделал бы, если бы его не затирали. Пил, пил и вот, допился. Учитель его, с которым он пил, раньше дуба дал, и теперь он вместо него, вокруг него теперь прихлебатели сидят, разинув рот. Но вот их всё меньше, меньше, спиваются, помирают. И времена вдруг резко изменились, хотя рассветы остались те же, и лето то же, и зима ... Вот уже и пиджачок залоснился, и рубашка не отстирывается, и на бабочке как осталось от квашеной капусты пятно, которое он посадил на премьере своей первой шедевры, как осталось, так и не отстирывается, а он все болтает и болтает, какой он гениальный, какой он богатый! Душой, конечно же. Но тебя затирают, не дают денег, конечно же. Когда это было в последний раз? Вчера! Вчера там, на кухне, ты рассказывал друзьям алкашам – просто с улицы какие-то подонки, уже нет никаких учеников – так вот, рассказывал снова, какой ты гениальный и как тебя затирают и не дают жить, и говорил, что завтра приедет этот ублюдок с деньгами, которого ты тут - ты хвастал, ерепенился! - когда-то выгнал из квартиры за то, что он - босиком, так, нет?

ВТОРОЙ. А у тебя что, тут, в моей квартире, стоит подслушивающее устройство? И провода прямо в твою шикарную черную машину? *(Смеётся, сложил ногу на ногу, пьёт водку.)*

ПЕРВЫЙ. Нет, дорогой. Я просто наблюдателен. Руки у тебя дрожат, сразу отметил это. Поначалу думал, ты из-за меня это так волнуешься, а потом принялся - перегарчик, да ещё ой-ой какой. Итак, ты рассказывал, что состоится встреча с денежным мешком, которого надо обмануть, наплести короб дерьма всякого, чтобы деньги он выложил на твою гениальную картину, да, да, говорил, что встреча со свиньёй одной будет, у которой миллиарды в кармане, но которая сидит на своих деньгах, как собака на сене, нет, как свинья в грязи и никому этих денег не даёт. Ведь так? Ведь говорил?

ВТОРОЙ. Чего ты хочешь?

ПЕРВЫЙ. Говорил?

ВТОРОЙ. Оставь меня в покое. Иди домой.

ПЕРВЫЙ. Говорил?

ВТОРОЙ. Кажется, говорил, ну и что, ну и что с того, если и говорил?

ПЕРВЫЙ. Итак, дорогие зрители, перед вами гений. Безденежный гений, которому надо снять очередной фильм. Чтобы его показали два раза в каких-то полуподвальных кинотеатрах и выкинули бы на помойку. Это не важно для него! Ведь от того, что он будет снимать год свой фильм, он двинет наше кино, наше искусство вперёд, так, нет? Подонки-толстосумы не понимают этого. Ты добрый, честный, умный, толерантный! *(Смеётся).* Ты и тогда говорил это слово умное, новое - толерантный, да? Короче - ты Моцарт, не я.

ВТОРОЙ. Сальери, иди домой.

ПЕРВЫЙ. Проверим, проверим, сейчас допишем сценарий до конца и увидим - ху ис ху.

ВТОРОЙ. Я читал твои сценарии, рассказы, повести. Да, читал. Это было полное дерьмо, братец. Страшнее не придумать, братец. Так-то вот. Они тут в шкафу валяются. Ты ведь не попросил их вернуть меня тогда. Они тут. Если конечно, жена не завернула в них пирожки.

ПЕРВЫЙ. Поищи. Может быть, и не завернула. *(Смеётся.)*

ВТОРОЙ. Что смешного?

ПЕРВЫЙ. Смеюсь потому, что прекрасно знаю: ты давно отыскал эти мои сценарии, положил, перечитывал, хватался за голову, думал, придумывал и решить выложить их в самый ответственный момент как козырную карту, так, нет? То есть, думал, будешь по обстоятельствам действовать: первое - либо разбередить во мне сентиментальное прошлое детство моё, показать сценарии и сказать, что тебе они так понравились, что аж сил нету, но денег не дают на них, и будешь ждать моей реакции и в зависимости от неё действовать далее. Второе - начнёшь продавать мне же мои сценарии, ведь они напечатаны в одном экземпляре – естественно же, конечно же, откуда у меня тогда деньги были на бумагу, на копирку, какой компьютер у меня тогда был?! Никакого! Либо, третье, скажешь - наврёшь как всегда! - старик, это так гениально, я хочу это снять, давай денег и я сниму тебе это. Потом влез бы в соавторы, или ещё что, потому что тебе уже давно насрать на то, как двигается искусство – вперёд, назад, вбок, стоит или вообще лежит, или ещё что - тебе надо кормить жену, сына. Да и себе на водку надо, ведь так?

ВТОРОЙ. Ты больной. Надо вызвать «Скорую» и милицию.

Первый пошёл к телефону, оторвал с мясом шнур из стены.

Ты больной, слушай?

ПЕРВЫЙ. Вообще-то нужно было бы, конечно, чтобы ножнички цакнули бы в тишине, чтоб в последнем ряду зритель вздрогнул и подпрыгнул, но можно и так - с мясом, хрустом вырвать шнур из розетки, главное - сигнал поступает в мозг зрителя! - герои отрезаны от всего, высоко, кричать, вопить нельзя, что делать, что делать?!

ВТОРОЙ. Ты идиот.

ПЕРВЫЙ. Рано оскорбляешь, рано. Когда что-то где-то клацает, щёлкает, хлопает, лопается в тишине - это производит эффект, это действует на нервы, правда. Чтобы не томить нашего бедного зрителя - он один затерялся в огромном зале, никому эта гнусная историйка про двух про нас не интересна! - так вот, чтобы не томить зрителя, я сразу же достану и положу вот сюда мой сотовый телефон. Ого, вот оно, новое обстоятельство, новая ниточка, которая связывает нас с миром! В конце пьесы или фильма - как хочешь! - по нему можно будет вызвать «Скорую», пожарников, газовую команду - не знаю, что мы с тобой в финале напишем. Но предупреждаю, поскольку ты не знаешь кода, то, стало быть, и не знаешь как воспользоваться телефоном, и, стало быть, вызывать всю эту мутату будешь не ты, а я. А значит - умрёшь ты, а не я. Я буду в финале звонить.

ВТОРОЙ. Слушай, чего ты хочешь, идиот? Ну, всё, всё, отомстил, убирайся. Растоптал, сделал, иди спокойно.

ПЕРВЫЙ. Ого, водочка побежала по жилкам, да на старые дрожжи ещё! Вот он как заговорил, слышите? Смело-пресмело, вольнодумец ты наш.

ВТОРОЙ. Чего ты хочешь?

ПЕРВЫЙ. Крови. Мести.

ВТОРОЙ. Крови, мести. Я сломал тебе жизнь? Наоборот. Видишь, вывел тебя на путь истинный. Ну, предположим, взял бы я твой сценарий, переписал бы, причесал бы его, привел бы в порядок, чтобы у него вид был бы более-менее презентабельный ...

ПЕРВЫЙ. То есть, стал бы соавтором и получил бы свои бабки, так, нет?

ВТОРОЙ. Да, стал бы соавтором и получил бы свои бабки. Ну да. И что потом? Ты бы уверовал в то, что ты гений, писал бы сценарий за сценарием, их не ставили бы, влачил бы ты жалкую жизнь непонятного гения ...

ПЕРВЫЙ. Сидел бы на кухне и заглядывал бы тебе в рот вместе с твоими друзьями алкашами ...

ВТОРОЙ. Кстати, не такое уж и плохое место у тебя было бы, если бы ты сидел на моей кухне, да, да, и заглядывал бы мне в рот. Не так уж и плохо, радость моя, не так уж и плохо, должен я тебе сказать честно ...

ПЕРВЫЙ. Вот, уже лучше стал, мягче, действует алкоголь, всё не так уж и черно, всё становится радужным в жизни.

ВТОРОЙ. В моей жизни всё радужно, да. А у тебя в твоей жизни есть другое, твоё всё, тебе близкое, понятное. Ты гений в другом. Ты нашёл себя.

ПЕРВЫЙ. Ты поломал мне жизнь.

ВТОРОЙ. Ерунда. Врёшь. Я тебя наставил на путь истинный, Моцарт дорогой мой.

Первый смеётся. Взял другую вазу, грохнул её об пол.

ПЕРВЫЙ. В чёрные дни их не отнесут в комиссионку. Эти вазы. Вазоны. Вазочки. Вазончики. И в ломбард не отнесут. Их куда не отнесут. Им конец пришел. В тишине нервы зрителя рвутся от грохота. О, наш дорогой зритель, ты даже не представляешь, какой мы приготовили тебе финальчик классенький, ты прыгать от ужаса будешь! Хорошо!

Бьёт ещё одну вазу.

ВТОРОЙ. Впрочем, мурло в твоей душе как было, так и осталось. Ты свинья, несмотря на то, что ты стал богачом, нашёл себя.

ПЕРВЫЙ. О, учитель, не ошибись, дорогой! Гений и злодейство - две вещи несовместные. Только что ты говорил, что я гений в своём деле, но как же я могу быть свиньёй при этом? Что-то ты напутал, учитель, Сальери дорогой. *(Бьёт вазу.)*

ВТОРОЙ. Надо было не просто выгнать тебя тогда, а выкинуть с балкона.

Первый смеётся, бьёт вазу об стенку.

Это ты всем мстишь так, я понимаю? Да? Или только мне? Я один виноват?

ПЕРВЫЙ. В твоём лице - всем. Вы все вместе поломали мне жизнь.

ВТОРОЙ. Действительно, очень театрально. Ты, правда, расписываешь тут некую пьесу, неудачник чертов. Я не удивлюсь, если узнаю, что ты и впрямь по ночам, обложившись кучей денег, пописываешь рассказы-стишки, а потом под псевдонимом рассылаешь по редакциям. «Маша вышла на мороз, а навстречу Дед Мороз». Так, нет?

ПЕРВЫЙ. Я не пописываю, успокойся. Зачем мне твои лавры. В соавторы не возьмёшь ведь.

ВТОРОЙ. Неудачник чертов. Я счастлив, не ты. Я, безденежный, не ты.

ПЕРВЫЙ. О, какая замечательная фраза! Её надо сказать гордо. Ремарку, ремарку вписать: «Говорит гордо, с высоко поднятой головой!»

ВТОРОЙ. Именно, с высоко поднятой головой перед дерьмом. Перед тобой, дерьмо, бисер метать не буду, не стану, не хочу, не желаю, слышишь? Впрочем, мне весело. Я хочу участвовать с тобой в этом деле. Давай!

Подошел к полкам, взял вазу, бьёт её об пол. Ещё одну. И тот, и другой лупят стаканы, вазы. Второй вдруг кидается к Первому, хватает его, пытается заломить ему руки. Первый проводит какой-то приём. Второй уже на полу.

ПЕРВЫЙ. Погань, а ну лёг?! Лежать, сука! Ты забыл, что я бизнесмен и что мне необходимо владеть некоторыми приёмами, чтобы защищать себя и свои деньги?! Сука поганая, трогает меня ещё!

ВТОРОЙ (*лежит на полу с вывернутой рукой, плачет, стонет*). Отпусти, дерьмо поганое, подонок, гнида, сволочь, дерьмо зажавшееся, тварь, это всё из-за вас, ненасытных, у нас всё так! Ублюдки, твари, сволочи, вы сломали наши жизни, вы переломали наши хребты, вы насилуете наших детей, убиваете их, пусти, тварь ...

Первый выпустил руку Второго, стоит, улыбается. Взял ещё одну вазу, разбил её.

ПЕРВЫЙ. До чего красиво ты сказал. Особенно про детей. Ну, всё. Я пошёл. Это была точка. Я доволен. Мне надоела эта пьеса. Заканчивай её сам. Дурь какая-то нашла. У меня дел непроворот. Теперь, как ты и сказал - на вот деньги, за вазы. Кидаю сверху, как ты и предлагал. На! Впрочем, за эту разбитую пошлость ты должен был бы мне заплатить, ну да ладно. И ещё вот на. За уборку. Тебе, уборщица. Убери сам и сэкономишь деньги. И ещё на, на опохмелку. На, на, на. Хватит?! Нажрёшься? Я пошёл.

ВТОРОЙ. Дерьмо поганое, выбросил ключ, ломай дверь, круши все, давай, давай!!!

ПЕРВЫЙ. Ну зачем же двери-то ломать? (*Смеётся*.) Незачем. Эх ты, художник. Не спи, не спи, художник, у времени в плену. А ты спишь. Невнимателен и нелюбопытен. Моцарт. Я кинул ключ у машины в кустики. Я специально целился, чтоб, не дай Бог, не попасть в крышу авто, моего любимого авто. Знаешь, сколько оно стоит? Позвоню шофёру, он подберёт ключ, откроет мне дверь.

Набирает номер телефона.

У подъезда лежит связка ключей, возьми их и иди сюда, в тринадцатую квартиру, открой дверь. Да, тринадцатая.

Спрятал телефон, смотрит на Второго, стоит у двери в коридоре. Второй лежит на полу, плачет.

ВТОРОЙ. Я не понимаю, чего тебе надо, чего? Зачем ты всё это сделал? К чему весь этот театр, зачем?

ПЕРВЫЙ. Так, шутка. Скучно.

ВТОРОЙ. Ну зачем, зачем?! Уйдёшь и все?

ПЕРВЫЙ. А ты хочешь, чтобы я тебе дал денег на твое кино? Не дам. Я тебя ненавижу. В бизнесе часто люди ненавидят друг друга, но улыбаются и работают, зарабатывают друг на друге. Но с тобой - совсем омерзительно.

ВТОРОЙ. Да за что?!

ПЕРВЫЙ. Да за всё. Ненавижу, да и всё.

ВТОРОЙ. Подожди, сядь, успокойся. Давай, выпьем, я достану твои сценарии, давай, правда, посмотрим что-то, что-то сделаем, или напиши новый, у тебя получается, даже вот сейчас это было что-то такое, а я сниму это ...

ПЕРВЫЙ. Это «говно», хочешь ты сказать? Нет. Не надо.

ВТОРОЙ. Но тогда зачем ты приходил? К чему всё это было, к чему?

ПЕРВЫЙ (*смотрит в окно, улыбается*). Подземный крот роет важно ... Так, что ли, говорится, в твоём «Гамлете»? Мы с сестрой в детстве постоянно дрались. Из-за книг. Если она хотела мне насолить, она рвала мою книгу. Была у меня старая, замусленная, неизвестно как попавшая в дом книжка «Остров погибших кораблей». Последних двадцати страниц не хватало. Любимая книжка! Про пиратов. Я читал её вперёд, и назад, и вверх ногами триста раз, и всегда натыкался на оторванный финал. И думал каждый раз, что можно так, так и так придумать. Ах, как было это сладко. Потом подрались с сестрой и она совсем разорвала эту книжку. У меня припадок даже был от того, что она это сделала. Вырос, а так и не прочёл, чем там кончилось. И не знаю. И даже фильм выключил на этой оторванной странице. Говорят, что там весь остров погибших кораблей сгорает. А я не хочу. Не знаю, и не хочу знать. Так интереснее. И тебе, и мне. Финал - открыт. Я не хочу, чтобы остров сгорал. Я не хочу сжигать корабли. Мне не нравится. Открытый финал. В нашей с тобой истории тоже.

Нашёл носки, надел их. Ищет ботинки. Ключ в замочной скважине поворачивается, дверь открылась.

ВТОРОЙ. Постой, сядь, прошу тебя, сядь, я прошу тебя. У меня есть куча разговоров к тебе, я должен много сказать, постой ...

ПЕРВЫЙ. Ты совсем опустился. Я ведь чуть ли не нагадил посреди твоей квартиры, а ты готов и дальше со мной разговаривать? Постыдись, где твое достоинство, что ж ты, мальчишка? Ты же известный режиссёр. Ну? Возьми пуль-вери-затор и вылей на ос, это ты от них с ума сошёл.

ВТОРОЙ. Постой, сядь.

ПЕРВЫЙ. Мне пора. Бизнес не ждет.

ВТОРОЙ. Стой, посмотри. Вот твои сценарии, вот они тут, всё здесь лежит, подожди, давай сядем, давай, будем считать, что ты мне отомстил и начнём все заново, с белого листа, постой, все закончилось и теперь с начала, слышишь?

Открыл дверцу шкафа, роется в бумагах, нашёл что-то, перебирает в руках. Первый хмыкнул, нашёл наконец, ботинки. Достал из кармана лопаточку для обуви, аккуратно засунул ноги в ботинки.

Это что?

ПЕРВЫЙ. Это? Лопаточка для обуви. (*Смеётся*). Думал, пистолет? Лопаточка. Маленькая. Я всегда ношу с собой лопаточку для обуви.

ВТОРОЙ. С тех пор?

ПЕРВЫЙ. Да прямо что. Просто так. Чтобы не испортить туфли. Очень часто в чужих домах нет лопаточек для обуви. Ведь у вас нету?

ВТОРОЙ. Нету.

ПЕРВЫЙ. Ну, вот видишь. Дожили. Лопаточки для обуви в доме нету.

ВТОРОЙ. Стой, при чём тут лопаточка, стой, погоди, мне много что есть сказать тебе. Давай - чай, кофе, коньяк, водку, постой, поговорим

Второй стоит на коленях на полу, уже порезался, кровь хлещет из руки, он достаёт и достаёт какие-то папки.

Первый протянул руку в подъезд, взял у шофёра ключ от двери, снова закрыл дверь, ключ на ладони подбрасывает.

Сядь! Не уходи, мы найдем общий язык. В конце концов мы с тобой очень похожи, ты слышишь, ты только посмотри, как мы с тобой похожи, слышишь?! Сядь, я тебе что-то скажу!

ПЕРВЫЙ. Я знаю. Тебе, как и мне, надо кормить жену и детей.

ВТОРОЙ. Да! То есть, нет!

ПЕРВЫЙ. Нет, то есть, да. Ну, а при чем тут я? Корми как-то. Все кормят как-то. Мне тоже надо кормить своих. Отдай мне эти бумажки и я пойду, чтоб никаких следов не оставалось.

ВТОРОЙ. Вот оно, то место, которое мне очень нравилось, я нашёл!

ПЕРВЫЙ. Дай сюда.

ВТОРОЙ. Нет. Слушай!

ПЕРВЫЙ. Отдай, я тебе сказал!

Второй бежит на кухню, закрывается там. Стекло в двери разбито.

ВТОРОЙ (*кричит в дырку*). Спокойно! Ты меня не достанешь! В дырку в эту ты не влезешь! Это ты тогда разбил, я с тех пор и не застеклил дверь, не было подходящего стекла! Я закрылся на швабру! Не выломаешь! Слушай, слушай!

ПЕРВЫЙ. Отдай, я сказал!

ВТОРОЙ. Слушай! Вот. «Принц Тьмы шёл по городу ...» Нет, дальше. «Принц Тьмы целый день лежал на кровати, окно было открыто, теплый летний воздух шевелил занавеску. Было тихо и покойно лежать просто так, без движений и не думать ни о чём, не ожидать телефонных звонков, слушать светлую пустоту в душе ...»

ПЕРВЫЙ (*сел, смеётся*). Ну, давай, попрыгай, потом отдашь всё равно. Когда-то ведь выйдешь ты. Фуфуськи эти только не читай мне. Принцы Тьмы. Королевы Светлоты. Светлая пустота в душе. Детский сад. Я даже вспомнил название этому – сопливое, красивое: «Крест, кладбище, камей».

ВТОРОЙ. Да, да, да! «Крест, кладбище, камей»! Прекрасное название! Замечательное!

ПЕРВЫЙ. Если выпить триста грамм, то всё кажется гениальным.

ВТОРОЙ. Стой! « ... Как хорошо, - думал он, - как хорошо быть одному на свете, ты - космос, ты - вселенная, ты - высох, ты как мёртвое дерево, отжившее своё и спокойно гниющее, пустота и душа над тобой летает. Принц Тьмы лежал на кровати и улыбался, думая о себе: «Я высохший Принц Тьмы». (*Смеётся, кричит*). Я помню, что десять лет назад ты пришел ко мне и сказал, что тебя зовут «Принц Тьмы», а я сказал - Принц Тьмы и вообще принцы ходят в носках! Ты помнишь это?!

ПЕРВЫЙ. Бред. Тюзятина. Принц Тьмы. Синяя королева. Желтый король. Принцесса на горошине, переевшая гороху.

ВТОРОЙ (*быстро читает*). «В комнату влетела оса. У нее был желтый трясущийся животик, тонкие белые крылышки, она билась, билась в стенку суматошно, потом упала на пол ...»

ПЕРВЫЙ. А где теперь эта оса? Сгнила. Или так и болтается её высохший животик в паутине там где-то под крышей. Нет, десять лет прошло, её нет, исчезла, потому что тогда я её выпустил и она улетела, она не погибла, но потом сдохла и стала перегноем, на котором, как обещает маэстро, что-то вырастет ...

ВТОРОЙ. Стой! «Принц Тьмы смотрел на неё и думал, что надо бы встать и помочь ей выбраться из западни - мы с ней в западне, мелькнуло, бред, нет никакой западни! Он, как и оса, так лёгок, что может вылететь в открытое окошко! Но он, в отличие от осы, он видит открытое окошко, она - нет. Он встал, взял кусочек бумаги, подsunул под нос осе (носу-осы, осе-носу), она поняла, что к ней по-доброму, вползла на лист - жёлтая оса на мертвом белом листе, белая бумага и живая жёлтая с мелкими черными полосками на брюшке оса ...»

МОЛЧАНИЕ.

ПЕРВЫЙ. Ну и как бы снял ты всё это, дружище, этот бред? Оса-колбаса ...

ВТОРОЙ (*кричит в дырку*). Снял бы! Я снял бы! Я снял бы!

ПЕРВЫЙ. Что дальше? Дальше!

ВТОРОЙ. « ... Он поднёс лист к окну ...»

ПЕРВЫЙ. Хорошо сказано – «к окну», какну. Какая музыка слов! Да я был талант и правда! (*Хохочет*). Что дальше?

ВТОРОЙ. « ... Она замахала прозрачными крылышками и исчезла. «В разговоре мимоходом она легко могла убить насекомое» - у Чехова сказано об одной героине, а я – нет», - думал Принц и улыбался. Он лёг и подумал, что у осы есть дети и, может быть, она сейчас дома и рассказывает детям страшную историю, которая с ней приключилась. Осята ...»

ПЕРВЫЙ. Бред. Всё вранье. Принц Тьмы, осята. Есть только действительность. На самом деле, в жизни, она упала на асфальт, я видел, как она упала на асфальт, потом прибежал мальчишка и прихлопнул её, потому что мальчишка думал, что у неё есть жало. Так было в жизни! А я врал на бумаге другое!

ВТОРОЙ. Но ведь ты плакал тогда над осой!

ПЕРВЫЙ. Я был глупый и плакал. Мне было жалко осу. Я не знал тогда, что жалко у пчёлки, а пчёлка на ёлке! (*Смеётся, вытирает слёзы*).

ВТОРОЙ. Плакал!!!!

ПЕРВЫЙ. Ну и что?! Плакал. Да, плакал. Потом она высохла, ветер подхватил её с земли, унес её брюшко под крышу, к моему окну, и она полгода болталась там, я не мог даже веником достать, потому что она мне действовала на нервы, как смерть будто под окном болталась, но потом осенний дождь смыл всё - и её, и паутинку, в грязь, в мусор, в канализацию, в пепел, и дождь смывает все следы ... Дай мне папиросу, покурить хочу. Не накуриваюсь этими чертовыми сигаретами. (*Пауза*). Отдай мне эти бумажки, на память. В моём мебельном магазине после моей смерти мои дети сделают выставку и напишут: «Этой хреновертью занимался папа, Принцами Тьмы наш папа занимался, этой глупостью занимался до тех пор, пока взялся за настоящее дело ...» Дай.

ВТОРОЙ. Ты не хочешь, чтобы я отдавал тебе это.

ПЕРВЫЙ. С чего ты взял?

ВТОРОЙ. Я внимателен. Очень внимателен. Руки дрожат. Не с похмелья ведь.

ПЕРВЫЙ. От свидания с юностью? Прямо уж. Бред, твои сантименты. Ничего подобного.

ВТОРОЙ. Не отдам и тебе приятно, что я не отдаю тебе это.

ПЕРВЫЙ. Бред. Делай, что хочешь с этим дерьмом. Хоть в туалет вон. Мне все равно. Я пошёл.

ВТОРОЙ. Ты не уйдёшь. Стой. Дальше: «На улице фокусник достал из-за уха Принца фотографию, он был на ней, Принц, улыбающийся Принц и вдруг фото стало чернеть, чернеть на глазах, будто фотографию долго держали в проявителе. Принц любил фотографироваться и понимал толк в фотографии, и сам делал фотографии на своем стареньком увеличителе - потому что это так напоминало ему общение с людьми: фото в ванночке, черты лица угадываются едва, ярче, ярче, а потом, если долго дружить с ними, с кем-то, становится скучно и лицо чернеет, уходит, уходит, и исчезает. И вот он вдруг увидел черноту вместо своего лица, черноту, чёрную черноту, чёрная бумажка, жаба в руках. «Они не видят меня?» – подумал Принц. «Только фокусник, волшебник увидел меня, а вообще-то меня - нет. Потому что меня нет. Они не видят меня». Действительно, люди шли сквозь него, жёлтая оса пролетела сквозь него, собака пробежала, кошка, муравей, его не было, он был воздухом, воздухом. «Если я воздух, то я должен уметь летать?» - подумал Принц ...»

ПЕРВЫЙ. Да, да. *(Смеётся)*. Он напружинил колени из воздуха и полетел. От счастья и страха заплакал. Он подумал, что когда он будет умирать, ему так же будет страшно и счастливо - легко. *(Пауза.)* Мне забрать силой? Или ты предлагаешь мне теперь выкупить это у тебя?

ВТОРОЙ. Нет. Не то и не другое. Выкину на улицу на твоих глазах.

ПЕРВЫЙ. Месть за вазы.

ВТОРОЙ. Нет. Просто мечь. За всё. Тебе, твоему мебельному магазину. Тебе сегодняшнему, за тебя тогдашнего. Босиком который был.

ПЕРВЫЙ. Выкинь. Шофёр подберет.

ВТОРОЙ. Ты прав. Всё предусмотрел. Собака, посмотрелся американских боевиков. Хорошо. У меня газ. Тут, на кухне, где я тебе выговаривал, что так нельзя, мальчик, вот тут на кухне я проведу для тебя ещё один урок - сжигание твоих рукописей.

ПЕРВЫЙ. Струсишь.

ВТОРОЙ. Теперь ты, как в боевике, должен достать пистолет.

Пошёл к газовой плите, зажжёт все четыре конфорки.

Ну?

ПЕРВЫЙ. Достаю.

Достал пистолет.

ВТОРОЙ. Пистолет не заряжен.

ПЕРВЫЙ. Если пистолет заявлен, то он стреляет, ты же знаешь.

ВТОРОЙ. Стреляй.

ПЕРВЫЙ. «Стреляй, сволочь! Всех не перестреляешь!» - так ты должен кричать.

ВТОРОЙ. Стреляй, сволочь. Всех не перестреляешь.

Первый колотит ногами в дверь кухни.

ПЕРВЫЙ. Отдай!

ВТОРОЙ. Зачем тебе это? Зачем? Это не ты. Не ты Принц Тьмы, не ты оса, не ты фокусник, не ты! Ты директор магазина, зачем тебе это, зачем? Ты обессмертил осу, оставил её жить тогда тем, что записал про неё, написал тогда, а когда она умерла, она осталась жить, но потом ты убил её, ты убил осу, а теперь я убью её сам, сожгу, сожгу!

ПЕРВЫЙ *(колотит в дверь)*. Отдай!

ВТОРОЙ. Зачем оно тебе надо это всё, для чего? Пусть бы оно ещё сто лет лежало тут, у меня, а потом на помойку выкинули бы, зачем тебе это надо, так просто, из вредности? Зачем?

ПЕРВЫЙ. Стреляю.

ВТОРОЙ. Стреляй. Я успею всунуть всё в духовку и сжечь.

Первый стреляет. С кухни валит дым. Первый взламывает дверь, тащит с кухни Второго. Упали на пол, катаются на осколках, тяжело дышат.

ПЕРВЫЙ. Дурак, дурак! Зачем ты сделал этот? Потому что так красиво?

ВТОРОЙ *(сидит на полу, мотает головой, кашляет)*. Так тебе, так тебе, вот так тебе ...

ПЕРВЫЙ. Дурак. Не получишь денег. Совсем ведь хотел уже дать. Дурак.

Пошёл в коридор, открыл дверь, кинул ключ на пол. Бежит быстро по лестничной площадке, выбегает из подъезда. Второй бросился на балкон.

ВТОРОЙ *(кричит)*. Эй ты, ублюдок, урод долбанный, Принц Тьмы, ты, слышишь, гнида?! Я наврал тебе, наврал, ты сволочь, слышишь? Нет? Не горит, не горит, не горит, не горит сердце, не сжигается! Я наврал тебе, там не было твоих рукописей, я засунул туда пачку совсем другой бумаги! У меня много бумаг разных везде наткано! Разных всяких бумаг, бумажечек, писулечек от таких, как ты, слышишь?! Свинья ты! Ты забыл, что рукописи не горят, не горят, не горят, не горят, не горят! Держи! Забирай! Подавись! На! Не горят, не горят, не горят, не горят, не горят ...

Кинул с балкона пачку бумаги.

Плачет.

Осы жужжат.

На балконе стоит пульверизатор. Второй берёт его, брызжет им себе в лицо. Молчит. Потом брызжет водой в осиное гнездо, капли попадают на оконное стекло, текут и текут.

Второй плачет и плачет, продолжает нажимать пульверизатор, но осы не успокаиваются, а почему-то жужжат всё громче. Громче, громче и злее.

Темнота

Занавес

Конец

август 2002 года
с. Логиново